

Эй! — Снежок летит в окно. Выглядываю наружу — это Юхан, принёс мне новую порцию шаров.

Я бегом спускаюсь по лестнице, звенит дверной колокольчик. Давно можно было провести электрический звонок, но мне нравится так: дом старый, и я не хочу тут ничего менять. Зато у меня настоящая печка и дым из трубы, и вот колокольчик старинный, да.

— Ничего себе! — говорю я, открывая тяжёлую дверь. — Снег! Наконец-то зима!

— Это только у тебя зима, — хмыкает Юхан, протягивая мне корзину.

— Как это? — Я выглядываю наружу. Длинная улица за моим домом уходит под уклон, снег блестит. Еловые лапы в снегу, качели в снегу, горка, рябина — красные ягоды под снегом тоже блестят, как нарисованные.

— Да вот так! — отвечает Юхан. — Во всём городе грязь и слякоть, и только у твоего дома — погодная аномалия.

Я пожимаю плечами.

— Зайдёшь? — спрашиваю я, но это просто вежливые слова. Я знаю, Юхан спешит — он даже не отвечает мне, только машет на прощанье рукой.

На первый взгляд, ко мне и заходить некуда, мой дом занимает совсем мало места. Откроешь дверь — и кажется, кроме вешалки и ботинок, тут ничего не поместится. Гостю уже и встать негде. Но наверх ведёт узкая лестница; на втором этаже у меня кухня. На третьем — мастерская. А на четвёртом, под самой крышей, я сплю. Такой дом, вырос не в ширину, а вверх. Обычно у людей двери между комнатами, а у меня — лестницы. За день, бывает, так набегаешься! Но я привык.

Моё жилище — это половина дома, у меня ещё есть сосед. У него я никогда не был, но и так понятно, что его квартира такая же узкая и высокая, как моя. Сосед у меня музыкант, я часто слышу его пианино. Или не пианино, не знаю, вообще загадка — как по этой лестнице к нему затащили инструмент.

Под тихие звуки музыки я иду наверх.

Пианист чуть касается клавиш, и я стараюсь ступать так же осторожно. С трудом поднимаю корзину в мастерскую, Юхан принёс мне в этот раз большую партию. Он зовёт меня «Зимний мастер», хотя это неправильно, я ведь и летом тоже работаю. Да и вообще, какой я мастер? Просто рисую.

А вот Юхан — мне кажется, он волшебник. Само его имя как выдох, тёплый воздух внутри стеклянного шара. Маленькая капля жидкого стекла наполняется дыханием стеклодува: юх-ху! — и шар готов.

Круглый, гладкий. Чистая радость.

«Да ну, ерунда, — говорит Юхан. — Шары... Шары — любой дурак! Чего там... дунул и всё... чего там такого».

И он работает, вернее — колдует. Греет стеклянную каплю, потом в дело идут пинцеты, клещи, какие-то палочки, лопаточки... И вот — дирижабли и корабли, танцовщицы, жирафы и пирожные.

Но больше всего я люблю просто шары.

Потому что шар — пространство. Как свободная комната, я могу туда войти, там есть место для меня.

Я иногда думаю — а дети? Возможно, для них тоже лучший подарок — простой стеклянный шар, в котором можно увидеть всё, что хочешь. Он висит на ёлке, блестит, его нельзя трогать, но можно смотреть — и малыш видит облако, динозавра, малиновое мороженое. А взрослым нужны точки отсчёта, подсказки, чтобы отправлять свои мысли в путь.

То же самое, например, в поезде. Малыш смотрит в окно и видит: деревья, дома, речка, собака, слагбаум. А взрослому этого мало, ему нужна табличка с названием.

Где мы, где мы едем? А, вот же: «Платформа 117 км»; хорошо, хорошо. Теперь всё понятно. Чего вот ему понятно, хотел бы я знать?

И вот я рисую на своих шарах такие точки отсчёта, отправные станции для чьих-то историй. Вот корабль, он плывёт в дальние страны; а на другой стороне шара — кит. Встретятся ли они когда-нибудь? Если закрутить нитку и отпустить — шар набирает обороты, корабль догоняет кита (или наоборот), и вот уже корабль выпускает из своей трубы фонтан.

Весь год я рисую что попало, не такой уж я хороший художник. Но мой друг Юхан знает, что это всё так, ерунда. Он ждёт Нового года, как и я. И весной, и летом у него случаются новогодние шары, а я рисую на них чужие сны.

Но главная работа начинается осенью, когда деревья теряют листья. А как только выпадет первый снег — наступает жаркое время! Люди ждут Нового года, праздника, и мы помогаем им. В магазинчике Юхана покупатели рвут шары с кронштейнов, как ягоды с куста, а сам он носится между складом и компьютером — собирает интернет-заказы, да ещё успевает доделывать какие-то штуки в мастерской. «Горячие тренды», — шутит он. Я бы так никогда не смог, а он любит этот предновогодний вихрь.

Но бывает и так, что какая-нибудь фигурка долго ждёт своего хозяина. И Новый год наступит, а она всё ждёт.

И вдруг приходит какая-нибудь маленькая, худенькая... ну, например, учительница. Начальных классов. И говорит: «Простите, если я не вовремя. Но нет ли у вас случайно слона? Понимаете, я очень люблю слонов. Я и сама немного слон, хотя так сразу и не скажешь. Но я иногда чувствую, что я вот такая... большая... И иду к реке. Медленно подхожу, набираю в хобот воды и... Простите, я говорю ужасные глупости, но я так устала говорить исключительно правильные вещи! Понимаете, я учительница...» — она смущается, а Юхан уже бережно достаёт из коробки, разгребая стружки, и вот он — маленький серебристый слон на широкой ладони мастера.

И пока учительница ахает, Юхан показывает ей ещё и мой шар со слонем, казалось бы — чего такого... слон... просто у него такие длинные ресницы.

«Выбирайте», — говорит Юхан, но она уже выбрала, да и он уже знает: «Беру обоих... конечно, ведь одному было бы скучно... целых два слона! Не может быть!»

И Юхан рассказывает мне вечером, в чьи руки попадают мои слоны, космические корабли и кофеварки. Кофеварки — это вообще моя слабость, и не только моя, потому что ёлочные шары с кофеварками раскупают быстрее, чем с велосипедами, а на велосипеды всегда стабильный спрос.

Я люблю кофе, он помогает работать почти так же, как и снег. Снег за окном — и на шарах расцветают одуванчики, вырастают сумрачные замки и танцуют грациозные носороги. Снега нет — и рисуешь санки с оленями по старым эскизам, как дурак... Вот в этом году тепло, снег пошёл всего три дня назад. Да и то — Юхан говорит, только возле моего дома.

За стеной снова музыка. Она как снег, как колючие льдинки. Стеклопанная. Так красиво и холодно. У меня почему-то немеют пальцы. Что со мной? Неужели заболел? Нельзя, нельзя — в такое время! Спускаюсь на кухню, подкидываю дров в печь. Всё тепло должно идти ко мне на третий этаж, в мастерскую. Но почему я так мёрзну?

Надеваю шерстяные носки, ставлю кофе. Ничего, ничего — это просто я устал, работаю третий день почти без сна. Закрываю глаза и сижу так некоторое время... недолго... кажется, недолго. Вскакиваю, растираю руки — совсем онемели, пью кофе. Ну вот, кажется, легче. Главное — не расслабляться. Работа — лучший доктор! Я обмакиваю кисточку в краску и... что за чёрт. Краска загустела, кисть не набирает, а только мнёт её, как пластилин... что же это! Хватаю новый тюбик с краской — он ледяной, примерзает к пальцам, краска почти не выдавливается... Что случилось?!

